



Polylogos. 2013-2019

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylog.jes.su>

All right reserved

№ 4 Volume 2. 2018

Social science and social practice: up-to-day approaches and ideas of Alexander Bogdanov

V. Omelaenko

*Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences
Moscow, 12/1 Goncharnaya Str., 109240, Russian Federation*

S. Pirozhkova

*Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences
Moscow, 12/1 Goncharnaya Str., 109240, Russian Federation*

Abstract

The article presents results of the study, focused on the current state of scientific social knowledge, on the one hand, and on social practice, on the other, and its interaction. It is shown that practice-oriented social knowledge – a set of applied knowledge and skills, including social technologies – can develop relatively autonomously from the development of fundamental social knowledge. But therefore social development ceases to be systematic and becomes a source of a variety of unpredictable consequences, not all of which are desirable. So there is a problem of rationalization and normalization of social practice, which nowadays cannot be solved by the model of explication of applied knowledge from the fundamental one. On the contrary, social theory is forced to abandon rigid prescriptions, the form of interaction between theory and practice becomes suppler. The analysis of how social development is implemented today pictures the same dominant tendency. Various options of designing the social future and constructive attitude to it demonstrate as a special feature the understanding of the project as a means of regulation: social practice is not rigorously determinate by social laws and proper values. Facts, laws and values are only basis for constructing images of the

desired future. Methodological reflection is carried out not only on the material of modern research, but also on the work of social theorist and social practice of the early XX century – Alexander Bogdanov. Bogdanov appears to be a borderline figure: on the one hand, he had inherited ideas of classical scientific rationalism, on the other he had developed them in the direction of nonclassical scientific rationalism. Authors' approach allows to expose genesis and inherent ambivalence of modern scientific rationality in social area.

Keywords list (en): social science, social practice, social technology, social designing, projection, social engineering, theory, ideal, utopia, A. Bogdanov

Date of publication: 31.12.2018

Acknowledgment:

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук (проект № МК-6317.2018.6 «Возможности форсайта как инструмента социального проектирования в современной России: эпистемологический и теоретико-деятельностный анализ»).

Citation link:

Omelaenko V., Pirozhkova S. Social science and social practice: up-to-day approaches and ideas of Alexander Bogdanov // Polylogos. 2018. V. 2. № 4 [Электронный ресурс]. Access for registered users. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000064-2-1/> (circulation date: 24.06.2019).

1 **Новые императивы развития социальных наук**

2 С начала XX в. наука стала полем разворачивания концептуальных и методологических революций – в физике, химии и науках о материалах, биологии, наконец, ряде гуманитарных и социальных наук. Социогуманитарные дисциплины преобразались, главным образом, благодаря использованию вычислительных методов, сближению методологии (на уровне базовых принципов и установок) и практики (в междисциплинарных проектах) исследований «наук о духе» с исследованиями «наук о природе». В последние десятилетия философы науки указывают на новые принципиальные сдвиги и формирование науки нового типа – технонауки¹. Речь идет и о новой форме организации научной деятельности, то есть получения научного знания (увеличение доли прикладных исследований и более широком процессе прикладнизации науки²), и о новой форме самого научного знания (переход от фундаментального «знания-что» к практико-ориентированному «знанию-как»). Эти изменения можно связать с конструктивистской установкой, или конструктивистской философией, – совокупностью отдельных идей, общих

принципов и программ, наконец, разработанных концепций, объединяемых представлением о доминирующем значении в познавательной деятельности конструктивного элемента – вплоть до полного сведения к нему всего познания. Такое значение может предполагать, что (1) та реальность, которую мы знаем, не предпослана познающему, а конструируется в процессе познавательной деятельности, а также что (2) за пределами деятельности есть лишь материал, совокупность предпосылок и условий для конструирования. Утверждение (1) – эпистемологический конструктивизм – не отрицает существование независимой от действующего субъекта реальности, а утверждение (2) – онтологический конструктивизм – предполагает, что миру нужна такая деятельность для своей реализации.

3 Если эпистемологический конструктивизм можно рассматривать в качестве формы скептического мышления, то онтологический конструктивизм утверждает слишком многое и в этом смысле демонстрирует эпистемологический оптимизм. Онтологический вариант конструктивистской концепции может апеллировать к современной физической картине мира, а именно к решающей роли наблюдателя (сознания) в разрешимости физических ситуаций³. Схожие интуиции возникают в рамках философской проработки данных биологических и когнитивных наук, выражаясь в представлении об определяющем значении активности организма в формировании окружающей его среды⁴.

4 Онтологический конструктивизм может иметь и менее радикальное содержание. Если идея наблюдателя как со-деятеля в процессах порождения событий микромира продолжает оставаться дискуссионной, большинство ученых и обывателей окажутся онтологическими конструктивистами, если ставить вопрос относительно природы тех будущих событий, в которые человек вовлечен не только как наблюдатель, но и как активный деятель⁵. Современные научные знания формируют представление о будущем как о предзаданном лишь частично, лишь в некоторых аспектах, в других же – открытым.

5 Непредзаданность будущего требует от субъекта (человека) быть не просто созерцателем, пытающимся проникнуть в тайны мироздания, но и созидателем, участвующим в порождении будущего и использующим свои знания, способность целеполагания и рациональной оценки. Это требование ведет к перестройке стратегии как естественнонаучной, так и социогуманитарной научной деятельности, усиливая в ней проектно-конструктивную составляющую.

6 В данной статье мы укажем на наметившиеся направления такой перестройки прежде всего социальных наук (вопрос о перспективах развития гуманитарного знания требует отдельной разработки). Если ниже мы будем

говорить не о социальном, а о социогуманитарном знании, то только в случае тенденций и фактов, характерных и для социальных, и для гуманитарных наук. Масштабность задачи будет локализована за счет обращения к наследию Александра Александровича Богданова. Фигура Богданова выбрана неслучайно. Во-первых, его понимание науки и ее назначения можно охарактеризовать как разновидность технаучного идеала. Во-вторых, Богданов разрабатывал конкретный вариант реализации этого идеала – тектологию, всеобщую организационную науку, призванную стать не столько формой углубления человеческого понимания мира, сколько инструментом устройства мира, созидательной борьбы человека с природой. В-третьих, Богданов предложил оригинальные социально-философские идеи, и при этом был не только социальным мыслителем, но и социальным практиком, анализировавшим текущие условия и корректировавшим в соответствии с этим теоретические выкладки.

7 **Задачи социальных наук: от теории к практике или от практики к теории?**

8 Помимо целого ряда проблем, связанных с реализацией технаучной стратегии развития научного знания в целом и социогуманитарного в частности, которые обсуждались ранее⁶, источником особого напряжения служит разрыв между тем, что можно определить в качестве фундаментальной социальной и гуманитарной науки, и тем, что относится скорее к области социальной (а сегодня все чаще и гуманитарной) практики. С одной стороны, социальная практика успешно существует без непосредственной привязки к социальной науке, с другой – многообразие этой практики нуждается в рационализации. Такая рационализация, как представляется, будет способствовать повышению эффективности социальной деятельности, служа дополнительным инструментом корректировки и отбраковки несостоятельных форм.

9 С учетом сказанного нужно подчеркнуть, что технаучная программа развития социальных и гуманитарных наук сформирована не только заданным извне требованием соответствовать эталонным формам научного знания, но и стремлением сохранить активную позицию в отношении социальной практики – не только описывать ее и объяснять, но и нормировать. Социальная наука, как и ее предтеча – социальная философия, традиционно включала нормативный элемент: нормирование выступало в форме социальных теорий и учений, объяснявших, куда движется общество, куда оно должно двигаться и что нужно делать для реализации правильного вектора. Опыт последнего столетия наложил принципиальные ограничения на прогностические возможности социального знания. Это стало одной из причин пролиферации того, что можно назвать социальными технологиями, – технологиями управления, организации хозяйственной и политической жизни, гражданских инициатив и пр.

10 Сам факт параллельного развития социальных технологий и социальных наук – не специфическая черта последнего столетия. Строго говоря, социальные технологии и технологии вообще появились значительно раньше всякой науки – социальной, естественной, античной, и даже преднауки. Технология как закреплённый алгоритм (схема) какой-то деятельности – феномен столь же древний, как и сам человек. Уже в первобытных обществах существовали если не технологии, то прототехнологии – обработки шкур, ведения охоты, организации отношений и трудовой деятельности. (Мы говорим о прототехнологиях, учитывая сохраняющуюся тесную связь этих схем с инстинктивным поведением и контингентность их сохранения и передачи.) Хорошо известно, что в античности «техне» понималось как искусство и разводилось с научной, созерцательной (умозрение и наблюдение) деятельностью. Хотя фигура Архимеда свидетельствует, что на практике технический прогресс был связан с научными знаниями, развитие инженерии шло собственным путем проб и ошибок.

11 С развитием новоевропейской науки интерпретация кардинально меняется, и техника начинает пониматься как приложение научных (теоретических) знаний. Именно целенаправленное научно фундированное развитие техники делает возможным небывалый технико-технологический прогресс и формирует цивилизацию особого типа, для которой В.С. Степин предлагает термин «техногенная»⁷, то есть такая, развитие которой, говоря предельно обобщенно, определяется развитием преобразовательной деятельности. Как пишет В.А. Лекторский, «особенность техногенной цивилизации не в том, что в ней впервые начинает использоваться техника и технологии, а в том, что в рамках этой цивилизации проективно-конструктивная установка в отношении природы, общества и человека становится доминирующей, а создание новых технологий осуществляется *планомерно* (курсив наш. – С.П., В.О.) и во все больших масштабах, при этом на основе развития научного знания»⁸. Таким образом, технико-технологический прогресс рационализируется, что позволяет избежать непродуктивной траты сил и топтания на месте.

12 Именно планомерность развития социальных технологий сегодня ставится под вопрос и заставляет формулировать задачу создания теории социальных технологий⁹. Более того, здесь речь уже идет не столько о создании системы знаний, которую можно будет использовать для выведения знаний прикладного характера, конституирующих те или иные социальные технологии. Разбирая данную проблему, И.Т. Касавин отмечает, что развивать теорию социальных технологий, строго выводя ее из фундаментальных знаний в области социальных и гуманитарных наук, вряд ли удастся. Наоборот, если и возможна некоторая теория социальных технологий, то она должна исходить из имеющегося разнообразия, обобщая и типологизируя его. Кроме того, в случае

социального прикладного знания единство можно выстраивать не через теорию, а через менее жесткую структуру, в качестве которой И.Т. Касавиным предлагается картина мира (КМ) соответствующей отрасли знания, то есть картина социальной реальности¹⁰. Специфика КМ заключается в том, что она состоит из содержательных элементов, а не идеальных объектов, включая типовые и парадигмальные примеры, метафоры и пр.

¹³ Подобный анализ проблемы научного статуса социальных технологий соотносится с анализом современного состояния социального знания, проводимым В.Г. Федотовой. Она отмечает, что в этой отраслевой области можно говорить о возникновении и последующем утверждении внеакадемической и постакадемической науки¹¹. Сама идея постакадемической науки восходит к работам Дж. Зимана, М.Гиббонса, Х. Навотны и ряда других философов и социологов науки¹². Обобщая соответствующие наработки, отметим, что под внеакадемическими формами научно-исследовательской деятельности и, соответственно, производства научного знания можно понимать довольно широкий круг исследовательских практик, объединяемых по признаку реализации их в иных, нетрадиционных научно-организационных форматах¹³. Постакадемические формы можно определить уже как результат взаимодействия академической и внеакадемической деятельности, или, более широко, как изменение организационной структуры науки в целом в условиях нарастания внеакадемического производства социального знания.

¹⁴ В чем специфика внеакадемической и, соответственно, постакадемической науки в целом? Ранее мы связали эти научно-организационные формы с реализацией «принципа участия», или партисипативного подхода¹⁴. Принцип участия подразумевает не только привлечение к исследованиям непрофессионалов – это так сказать низовой уровень, или внешний аспект реализации принципа участия. Фундаментальным же смыслом является идея более тесного партнерства науки и общества, сближение научных приоритетов и векторов развития, с одной стороны, и тех задач, которые ставит перед собой общество, – с другой. Иными словами, это преодоление функциональной модели науки внутри общественной системы, которую принято метафорически назвать «башней из слоновьей кости».

¹⁵ В.Г. Федотова, опираясь, в частности, на идеи так называемой Штарнбергской группы (группа ученых, работавших в 1980-е гг. в Институте им. М. Планка в городе Штарнберге), видит специфику постакадемической социальной науки прежде всего в ориентированности этой формы на практические цели в отличие от академической науки, развивающейся по внутренней логике¹⁵. Для нас здесь представляет интерес концепция финализации науки, под которой штарнбергцы понимали особую стадию развития науки, когда не практическая деятельность направляется теоретическим знаниями в форме прикладной науки, а наоборот, теории

формируются в ответ на запросы практики (что очень близко к идеи «прикладнизации» науки, развиваемой Б.И. Пружининым).

16 И в случае разработки проблемы создания теории социальных технологий, и в случае анализа всего современного социального научного знания как постакадемического мы получаем стратегию развития науки, которая ведет не от теории к практики, а от практики к теории. Такая картина удивительно коррелирует с трактовкой науки, предложенной А.А. Богдановым. В данном случае мы предлагаем взять эту трактовку не в качестве объяснительной схемы, универсальной для всей науки в целом, но в качестве возможной концептуализации именно того, что происходит в социальных науках.

17 Как известно, Богданов определял науку как «организованный общественно-трудовой опыт»¹⁶, а труд трактовал предельно широко – как «сознательно-целесообразную деятельность»¹⁷. Используя эти дефиниции, приходим к выводу, что задачей социальной науки и является систематизация опыта, то есть социальной практики, в рамках которой вырабатываются новые, используя терминологию Богданова, способы организации социального бытия.

18 Анализируя взгляды Богданова, можно назвать его ярким критиком академической науки, указывавшим в качестве ее недостатков, в том числе, черты, очень близкие к тем, которые перечислял Дж. Зиман, отмечая, что крайняя специализация приводит к «стерильному... “идеалу истины”», а также к сектарианизму и когнитивной фрагментации¹⁸. Здесь мы получаем, во-первых, усиливающийся отрыв от человеческой реальности, «оторванную от жизни “науку для науки”»¹⁹. По мнению Богданова, это плохо не только для человека (как представителя человечества, а не как конкретного представителя некоторого класса), но и для науки, которая обедняется, будучи помещенной в башню из слоновой кости. Возьмем один из примеров, который приводит Богданов: «Ученый-техник рассматривает рабочую силу извне, а не изнутри, с некоторого отдаления, а не в полной близости. Поэтому от него могут, и даже должны, ускользать некоторые соотношения между рабочей силой и орудиями труда, между живыми и мертвыми элементами производства»²⁰. Тем более это верно применительно к социальному знанию.

19 Но гарантирует ли разворот к практике решение второй проблемы – эпистемологических и социальных последствий в виде диссоциации целостного знания и целостного общества? В.Г. Федотова пишет об увеличении роли эмпирического знания и об «оборотной стороне действия “бритвы Оккама” – многообразии сущностей не следует необдуманно уменьшать»²¹, тем самым выходя на проблему методологического и теоретического плюрализма в социальном познании. Для Богданова ситуация видится иначе. Существуют принципиальные основания для единства опыта и практики: «Все, самые

разнообразные, самые далекие одни от других, качественно и количественно, элементы вселенной могут быть подчинены одним и тем же организационным методам, организационным формам»²². Это означает, что можно сформулировать теорию практики, каковой и выступает Богдановская тектология. Применительно к рассматриваемой проблеме эту идею можно сформулировать в качестве гипотезы о существовании, по крайней мере, универсальных для социального прикладного знания принципов.

²⁰ Хотя на тектологию Богданов возлагает роль интегратора как знания, так и общества – «Она будет наукой не избранных, но всего человечества, могучим орудием его стройного и гармоничного объединения»²³, уже само развитие тектологии – дело общей (коллективной) деятельности, и невозможно без реализации принципов товарищеского взаимодействия. То, что предлагается Богдановым, своеобразно развивает классический рационализм и идеологию Просвещения с теми главными поправками, что разум, о котором идет речь, – в своей основе практический, а просвещение становится в некоторой степени улицей с двухсторонним движением. Последнее выглядит весьма демократично: интеллектуалы несут свет знания рабочему классу, а рабочий класс, овладев знаниями, позволит перейти от умозрения к практике, от философии к тектологии.

²¹ Принципы организации Рабочего университета, который по замыслу Богданова должен был быть системой «взаимно связанных учебных и учено-учебных заведений»²⁴, являют прообраз партисипативного подхода. Богданов говорит о «товарищеском сотрудничестве учащихся и учащихся» и о «преобразование науки, ее понятий и их изложения», которое «будет совершаться не только личными усилиями передовых теоретиков, но в гораздо большей мере той общей, самоорганизующейся активностью всех участников, в которой нельзя отличить, что принадлежит одному, что – другому. И именно потому, что сущность преобразования лежит в классовой точке зрения (точке зрения трудового класса, то есть людей действия, а не умствования или созерцания. – С.П., В.О.), в новой логике, иначе освещающей старый опыт, очень часто может оказаться, что в общем обсуждении научного вопроса, научной теории, учащийся даст правильное и полезное указание, которое не приходило в голову его руководителю просто потому, что у него сильнее интеллигентские привычки мышления. В моем личном опыте пропагандиста это случалось не раз»²⁵. Если заменить преподавателя и учащегося на исследователя и исследуемого, мы получим принцип реализации партисипативного подхода в социогуманитарных науках²⁶. Если взять другую пару – эксперта-профессионала и эксперта-непрофессионала, получим формулу проведения экспертизы технологических и социальных проектов, объединяющую профессиональную и гражданскую экспертизу, и шире – управленческой концепции, предусматривающей вовлечение граждан в процесс

принятия решений на разных уровнях (participatory development). Партнерские взаимоотношения еще в одной паре, которую упоминает и Богданов, – «руководитель–работник» – реализуются в корпоративной практике управления с участием персонала (participative management).

²² Таким образом, Богданов указывает не просто на принципиальную возможность единства, которую обеспечит должная систематизация и интеграция разрозненных знаний, но на необходимый уже сегодня особый тип коммуникации. Двигаться от разнообразия прикладного знания к теоретическим модификациям, можно только при погружении теоретика в коллективную социальную практику. Иные позиции будут означать насильственное приведение жизни в соответствие идеалу. Однако как работает такая стратегия? Практика позволяет делать разные выводы и согласуется с разными теориями. Поэтому успех социального ученого, не просто объясняющего социальные процессы, но и предлагающего определенные рецепты, зависит от его гибкости, умения корректировать свои теоретические построения. Какой предстает с этой точки зрения деятельность самого Богданова?

²³ С одной стороны, Богданова нельзя отнести к ортодоксам или догматическим приверженцам как-либо школы. Как демонстрируется в исследовании М.В. Локтионова, особенность богдановского марксизма заключается в творческом развитии последнего²⁷. То же можно сказать и о позитивистских идеях, критически осмысляемых с учетом социальных реалий, в которые погружен Богданов. Иное отношение было бы несовместимо с фаллибилизмом, разделяемым мыслителем. В статье «Вера и наука» он пишет, например, о теории денежного обращения Маркса, что не согласен с признанием ее истинной «на вечные времена», «потому, что “вечность” истины... есть дело веры, а не научного, знания... это, конечно, “объективная истина” но только для нашего времени, а за будущее ручаться нельзя»²⁸.

²⁴ Однако, с другой стороны, социально-историческая концепция Богданова, согласно которой человечество движется от первобытного коммунизма через разобщенность авторитарных и менового обществ к коллективистскому обществу, – это вполне историцистская концепция со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая утопизм и то, что К. Поппер назвал утопической социальной инженерией. Таково внутренне противоречие мысли Богданова, обусловленное тем, что, не разделяя веру в абсолютность научного знания, в том числе марксизма, он был приверженцем другой веры – веры в монистичность мира (именно она составляет основу тектологии) и связанной с ней веры в возможность единства человечества, осознавшего эту монистичность в форме создания всеобщей организационной науки.

25 Пример Богданова лишний раз подтверждает то, на что указывала вся последующая критика позитивизма, в том числе неопозитивизма в философии науки: позитивный взгляд на реальность, антиэссенциализм и эмпиризм не могут реализовываться как тотальные стратегии познания. Даже Попперовская частичная инженерия утопична полным отрицанием утопий, и к ней можно применить вердикт М.В. Локтионова, который он выносит позитивистской философии, отмечая, что она, «объявившая борьбу утопизму интеллектуальных традиций, вскоре сама превратилась в один из вариантов утопического мышления»²⁹. О причинах этого мы поговорим далее.

26 Таким образом, взаимоотношение между социальной теорией и практикой невозможно представить какой-то односторонней логикой. Поэтому наиболее адекватной представляется точка зрения, предлагающая существование теоретической составляющей в форме картины мира с ее содержательными элементами и рационализацию социального знания прикладного характера. Но также нужно предположить большую пластичность КМ, когда рационализация практики дополняется критикой теоретической составляющей. Эта критика должна вести не к перманентной революции, но, скорее, к корректировкам в духе модели развития научно-исследовательских программ И. Лакатоса.

27 **Принципы порождения социального будущего: идеал, закон, проект**

28 Если выше мы рассматривали трансформацию отношений между социальной теорией и социальной практикой прежде всего с точки зрения теории, то в данном разделе мы подойдем к проблеме со стороны практики. Как мы упоминали выше, античную науку в целом не интересовали вопросы технического творчества и преобразования окружающего мира. Единственным исключением можно назвать сферу гуманитарного и социального. Практическая философия должна была подготовить человека к возможности созерцать истину, красоту и благо. Для этого человека, а значит, и образ его бытия нужно было приблизить или уподобить истинному миру, то есть без преобразования обойтись было нельзя (хотя оно могло сводиться в пределе к отказу от деятельностной позиции в пользу интеллектуального созерцания).

29 «Истинный» мир мог иметь разную «прописку» – размещаться в прошлом (идея «золотого века» и последующего регресса) или в надлунном мире. Идея прекрасного прошлого или иного, сосуществующего с нами, но скрытого или отделенного от нас более совершенного мира преломляется в дихотомии сущего и идеального, того, что нас окружает, и того, чем оно может/должно быть. Это инобытие нормировало социальную деятельность, задавая образ социального будущего. Таким инобытием был мир идей Платона, Царство Божие у Августина Блаженного и даже естественное состояние

человека у Ж.-Ж. Руссо. Со временем идеал как принцип порождения социального будущего потерял привязку к подлинному уровню бытия и тем более к идеализированному прошлому, пространством его «бытования» стало будущее. Упомянутое Царство Божие – не просто инобытие, это то, что должно быть осуществлено, то, что должно состояться в будущем, цель человеческой истории. В дальнейшем идеал все больше превращается в наилучшее из мыслимого, в мыслительный, а не реальный объект, но функции его – выступать прототипом – от этого не меняются. Также не утрачивается такая особенность идеала как принципа порождения социального будущего, как его абсолютная принудительность.

30 В социальных теориях начиная с XIX в. образ будущего определяется пониманием смысла истории, а затем сообразно выделяемым социальным (или историческим) законам. Социальный и тем более исторический закон, понимаемый в строго универалистском духе, имеет еще большую принудительную силу, чем идеал. Если человечество должно перейти к стадии доминирования позитивной науки или установления коммунистического строя, то социальная наука призвана обеспечить более легкий, менее болезненный и по возможности скорейший переход к последующим стадиям закономерного социального развития. Закон в отличие от идеала не предполагает, что человечество может сбиться с пути. Точнее, оно может с него сбиться, но обязательно на него вернется, однако с ненужными ресурсными потерями.

31 В XX в. концепция всеохватных исторических законов, как мы выше отмечали, была подвергнута жесткой критике. К. Поппер, с одной стороны, осмысляя революционные изменения в общенаучной КМ, а с другой – исторические катаклизмы, захватившие мир в первой половине XX столетия, доказывает, что нет никаких универсальных исторических законов, однозначно предопределяющих финальное состояние, и также невозможно раз и навсегда выбрать идеал, который нужно неуклонно реализовывать. Двигаться можно и нужно небольшими шажками, анализируя промежуточные результаты и корректируя имеющиеся цели. Эту стратегию Поппер назвал частичной социальной инженерией и противопоставил ее глобальной инженерии, предполагающей масштабные перестройки общественных систем, с вовлечением всех уровней для достижения желаемого системного состояния.

32 Анализ Поппера значим не только тем, что продолжает в новом ключе дискуссию о взаимодействии практики малых дел и тотальных преобразований. Работы австрийско-английского философа отражают новый этап эволюции нормирования социального развития, связанный со становлением современного понятия «проект». Мы можем говорить как о социальных проектах об исходе евреев из Египта, концепции, изложенной в «Государстве» Платона, строительстве города Александрии, реформации христианской церкви и т.д. Однако подобная идентификация – интерпретация с нашей, современной точки

зрения. То, что сегодня называется проектом, коренным образом отличается от идеала и закона как принципов порождения социального будущего. Идеал, так же как и закон, во-первых, предпосланы социальной деятельности, во-вторых, предпосланы как нечто нерукотворное – природное или божественное, сотворенное не человеком или существующее от века. Проект также предпослан системе социальных действий, но как продукт другой системы таких действий, другой деятельности. Иными словами, проект как нормирующий социальное развитие, созидание социального будущего, предполагает, что это будущее однозначно не детерминировано социальными законами или принудительностью идеала, оно открыто и может быть различным – в зависимости от желания и решения людей.

33 Когда мы говорим об утопиях прошлого, о масштабных социальных преобразованиях или грандиозном продолжительном строительстве, имеющем разветвленную сеть социальных последствий, они выступают как системы действий, направленных на созидание определенного будущего. В этом смысле мы и называем их проектами. Но такие проекты задаются объективной необходимостью следования законам или идеалу, в том числе диктуемому непререкаемыми религиозными абсолютами. В современной социальной реальности ситуация оказывается прямо противоположной. Закон и идеал могут быть включены в проект не только в качестве его порождающей матрицы, но и в качестве его продукта. Нормативные законы (нормы, по Попперу, – этические, юридические и др.) сами проектируются, так же как и социальные идеалы. В этом смысле идеальное государство Платона может быть понято как проект в современном смысле, как созданная философом на основании определенных теоретических предпосылок идеальная модель общественного устройства. Нужно, кроме того, отметить, что идеал, трактуемый в подобном контексте, не должен иметь тоталитарную принудительную силу, обязывая соотносываться с ним всю социальную практику. Идеал может пониматься по аналогии с идеальными объектами – важнейшими элементами теоретического знания, которые не только не следует, но и невозможно реализовать в реальности. В такой перспективе идеал выступает инструментом прояснения и объяснения, более глубокого описания существующего и его критики. Определяя идеал таким образом, мы можем говорить, что он всегда утопичен, то есть является тем, чего нет и не может быть в эмпирической реальности, что относится к миру идеальных конструкций. Именно поэтому, в частности, частичная инженерия, о которой шла речь выше, в качестве безальтернативного инструмента социального развития оказывается утопичной.

34 Частичная и глобальная инженерии – удачные идеализации для описания исторических реалий первой половины – середины прошлого века: с одной стороны, тоталитарных обществ, поставивших своей целью (отчасти

декларируемой, но во многом определяющей реальную социальную практику) реализовать идеальный общественный уклад, с другой – обществ, неоднозначно и зачастую весьма непросто продвигавшихся в сторону реализации гуманистических идей. Как обнаруживает социальный опыт, обе стратегии социальной инженерии, взятые в чистом виде (как идеальные типы), являются неэффективными. Поппер резонно указывает, что всякая глобальная инженерия редуцируется в конечном счете к частичной, и глобальный проект превращается в идеологему, оправдывающую различные локальные социальные действия. Но и частичная инженерия предполагает вписанность локальных проектов в более общие и масштабные программы. Сам Поппер указывает путь выхода из этого противоречия, отмечая, что различие «глобальности» и «частичности» относится не к критериям масштабности или размерности, эти понятия характеризуют способ реализации – «догматический» в первом случае и «критический» во втором. Однако и этот критерий не устраняет взаимной дополнительности, поскольку в ряде случаев быть догматиком не просто не менее ценно, чем быть критически настроенным, – такая стратегия может оказаться рациональной, а критицизм – нет.

35 Сказанное позволяет понять, почему А.А. Богданов выступает как историцист, расходясь с принципами современного социального проектирования. Свое доказательство неизбежного – необходимого – перехода к «коллективистическому строю» Богданов начинает с того, что подчеркивает: эта форма общественного порядка не относится к установленным в опыте фактам, но она является содержанием «объективного», или, что то же самое, научного предвидения. Для науки будущее, пишет Богданов, «заключается в тенденциях настоящего и прошлого, которые могут быть объективно установлены и сопоставлены»³⁰. Именно так он и приходит к выводу о том, что если общественный прогресс будет продолжаться, то неизбежно приведет к установлению коллективизма. Важнейшим фактором на этом пути выступает развитие техники. Богданов справедливо указывает, что раздробленное человечество не сможет совладать с новыми возможностями, открываемыми наукой: она даст «в руки людям такие гигантские грозные силы, которые необходимо требуют контроля общечеловеческого коллектива, иначе они могут оказаться губельны для всей жизни на земле»³¹. Однако при справедливости этого вывода понимание Богдановым будущего человеческого общества в целом представляется сегодня утопичным. Почему?

36 Как можно сегодня судить, Богданов верно фиксирует объективные тенденции. Усложнение техники, требующей участия в своем функционировании больших человеческих коллективов, нарастание угроз технико-технологического прогресса, развитие коммуникационных возможностей – все это действительно сформировало облик XX столетия. Нельзя не согласиться и с оценкой предельных состояний, к которым могут

привести эти тенденции. Общественная солидарность и дальнейшей прогресс либо разобщенность и неминуемый регресс или катастрофа – эта развилка по-прежнему стоит перед человечеством. Однако трактовка Богдановым позитивного варианта относится не к научному предвидению, а к утопическому конструированию. Его модель коллективистского общества определяется монистическим идеалом, задающим видение и всего исторического развития в целом. Таким образом, получаем смесь двух видов принудительности – объективного хода вещей и социального идеала. Нельзя сказать, что в этом заключается недостаток концепции Богданова, наоборот, сущность социального проектирования предполагает наличие как фактической обусловленности, так и ценностной детерминации. Но проектирование предполагает, во-первых, экспликацию ограничений обоих видов, во-вторых, их различение, а в-третьих, то, что они выступают не матрицей проектирования, а лишь материалом для создания этой матрицы.

37 **Неизбежная амбивалентность**

38 В отличие от того, как социальную солидарность видел Богданов, развитие пошло по иному пути. После крушения колониализма на первый план вышел идеал не монистического устройства, а плюрализма. Это отразилось и на социальных проектах, ибо любая социальная группа вправе участвовать в социальном развитии, улучшая условия своей жизни и жизни общества в целом. Поэтому практика социального проектирования связана с реализацией в первую очередь локальных проектов, направленных на создание некоторого нового социального функционала – материальных объектов, имеющих социальные функции; новых способов использования имеющихся объектов с целью получения новых социальных эффектов; социальных услуг; социальных организаций и т.д. Различные обучающие курсы, мастер-классы и тренинги успешно приобщают всех желающих к необходимым знаниям и навыкам, но этим прикладным знаниям далеко до уровня единой организационной науки.

39 Когда речь идет о масштабных инициативах, затрагивающих интересы разных социальных групп, возникает необходимость согласования не только потребностей, но и ценностных установок. Отсюда интерес к делиберативным практикам, обсуждению, согласованию точек зрения, которые позволяют учитывать интересы малых групп, а не только большинства. И хотя ряд ценностей не подлежит пересмотру (например, ценность человеческой жизни), социальные идеалы в условиях публичных дискуссий обсуждаются и критикуются, так же как социальные теории – в рамках научного сообщества. В целом публичное пространство призвано распространить самосознание общества из академических кабинетов на более широкую площадку, хотя вовсе не гарантирует, да и не ставит своей целью выработку монистического умонастроения в обществе. Наоборот публичные обсуждения – инструмент постоянного интегрирования неоднородного сообщества. Нельзя также не

признать, что де-libeрация сама является социальным идеалом и в качестве такового становится объектом критической рефлексии³². Кроме того, публичное пространство слишком часто превращается в арену взаимного применения информационных технологий манипулирования и контроля, демонстрируя, что проектирование социального будущего, как соответствующие знания, зачастую продолжает оставаться прерогативой немногих.

40 Обозначенные реалии указывают на уже выделенную общую тенденцию – прагматизация, «заземление» социального знания только резче высвечивают необходимость фундаментальной теоретической работы, а критика глобальных и утопических проектов не приводит к выхолащиванию из практики идеального содержания. Пример Александра Богданова показывает нам амбивалентность этого содержания: его мобилизационная сила подчас перекрывается ограниченностью утопического мышления, так же как теория может тормозить социальный прогресс, накладывая ненужные концептуальные ограничения. Такова природа социального развития, с которой приходится работать в рамках социального проектирования.

Remarks:

1. Новизну технонауки можно назвать относительной. Как отмечают многие исследователи (см. работы В.А. Лекторского, В.Г. Горохова, А.Л. Никифорова и др.), технонаука – закономерный этап развития новоевропейской научной традиции. Один из авторов уже солидаризировался с этой позицией, высказав ряд аргументов в пользу такого теоретического выбора (см. Pirozhkova S.V. Humanistic Support for Technological Development: What Should It Be Like? // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88. No. 3, pp. 210–219).
2. Подробнее см. в *Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Автономова Н.С. и др.* Наука. Технологии. Человек. Материалы “Круглого стола” // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 5–39, особенно выступление Б.И. Пружинина и вводимое им различие фундаментальной науки («basic science») и чистой науки.
3. См., например, работы, М.Б. Менского.
4. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с
5. Вопрос о том, может ли человек наблюдать те же самые объекты микромира, одновременно не вмешиваясь в соответствующие процессы, мы в данном случае оставляем за пределами нашего внимания.
6. Pirozhkova S.V. Op. cit.
7. См., например, Стёпин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высш. шк., 1992.
8. Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. С. 177.
9. Касавин И.Т. Социальные технологии и социальные практики // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 52–55.
10. Термин В.С. Степина.
11. Федотова В.Г. Соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема. М.: ИФРАН, 2015.
12. См., например, Gibbons M., Limoge C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. The new production of knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London, etc.: Sage, 1994, Ziman J. “Postacademic Sceince”: Constracting Knowledge with Networks and Norms // Science Studies.1996. Vol. 9, No. 1, Pp. 67–80.

13. К таковым относятся и исследования, проводимые в лабораториях, организуемых непосредственно на производстве, и экспертные исследования, и научный краудсорсинг.
 14. Пирожкова С.В. Принцип участия и современные механизмы производства знаний в науке // Эпистемология и философия науки / Epistemology & Philosophy of Science. 2018. Т. 55. № 1. С. 67–82.
 15. Федотова В.Г. Академическая и (или) постакадемическая наука // Вопросы философии. 2004. № 8. С. 45.
 16. Богданов А.А. Социализм науки // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 361.
 17. Там же. С. 370.
 18. Ziman J. Op. Cit. P. 69.
 19. Богданов А.А. Социализм науки... С. 372.
 20. Там же.
 21. Федотова В.Г. Соотношение академической и постакадемической науки... С. 18.
 22. Богданов А.А. Социализм науки... С. 407.
 23. Там же. С. 390.
 24. Богданов А.А. Социализм науки... С. 374.
 25. Там же. С. 375.
 26. The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice / Ed. by P. Reason and H. Bradbury. London: Open University Press, 2008.
 27. Локтионов М.В. Александр Богданов. Неизвестный марксизм. М.: ГАУГН-Пресс, 2008.
 28. Богданов А.А. Вера и наука. [Электронный ресурс]. URL: >>>> (дата обращения 10.11.2018).
 29. Локтионов М.В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М.: ИФРАН, 2018. С. 10.
 30. Богданов А.А. Вопросы социализма // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 295.
 31. Там же. С. 298.
 32. Sunstein C. Deliberating Groups versus Prediction Markets // Episteme. 2006. Vol. 3. No. 3. P. 192–213.
-

References:

1. Gibbons M., Limoge C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. The new production of knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London, etc.: Sage, 1994.
2. Pirozhkova S.V. Humanistic Support for Technological Development: What Should It Be Like? // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88. No. 3. P. 210219.
3. Sunstein C. Deliberating Groups versus Prediction Markets // Episteme. 2006. Vol. 3. No. 3. P. 192?213.
4. The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice / Ed. by P. Reason and H. Bradbury. London: Open University Press, 2008.
5. Ziman J. Postacademic Sceince: Constracting Knowledge with Networks and

Norms // Science Studies.1996. Vol. 9. No. 1. P. 67-80.

6. Bogdanov A.A. Vera i nauka. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://psylib.org.ua/books/lenin01/txt14.htm> (data obrashcheniya 10.11.2018).

7. Bogdanov A.A. Socializm nauki // Bogdanov A.A. Voprosy socializma: Raboty raznyh let. M.: Politizdat, 1990. S. 360-410.

8. Kasavin I.T. Social'nye tekhnologii i social'nye praktiki // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2012. T. XXXI. ¹ 1. S. 5255.

9. Bogdanov A.A. Voprosy socializma // Bogdanov A.A. Voprosy socializma: Raboty raznyh let. M.: Politizdat, 1990.

10. Lektorskij V.A. Filosofiya, poznanie, kul'tura. M.: «Kanon+», ROOI «Reabilitaciya», 2012. 383 s.

11. Lektorskij V.A., Pruzhinin B.I., Avtonomova N.S. i dr. Nauka. Tekhnologii. Chelovek. Materialy Kruglogo stola // Voprosy filosofii. 2015. ¹ 9. S. 539.

12. Loktionov M.V. Aleksandr Bogdanov. Neizvestnyj marksizm. M.: GAUGN-Press, 2008. 288 s.

13. Loktionov M.V. Aleksandr Bogdanov mezhdru marksizmom i pozitivizmom. M.: IFRAN, 2018. 138 s.

14. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya / Per. s angl. YU.A. Danilova. M.: Progress-Tradiciya, 2001. 224 s.

15. Pirozhkova S.V. Princip uchastiya i sovremennye mekhanizmy proizvodstva znaniy v nauke // Epistemologiya i filosofiya nauki / Epistemology & Philosophy of Science. 2018. T. 55. ¹ 1. S. 67-82.

16. Styopin V.S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki. M.: Vyssh. shk., 1992.

17. Fedotova V.G. Akademicheskaya i (ili) postakademicheskaya nauka // Voprosy filosofii. 2004. ¹ 8. S. 45.

18. Fedotova V.G. Sootnoshenie akademicheskoy i postakademicheskoy nauki kak social'naya problema. M.: IFRAN, 2015

Социальная наука и социальная практика: современные подходы и идеи Александра Богданова

Омелаенко В. В.

Институт философии РАН

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Пирожкова С. В.

Институт философии РАН

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Аннотация

В статье изложены результаты исследования современного состояния научного социального познания, с одной стороны, и социальной практики – с другой, и их взаимодействия. Показано, что практико-ориентированное социальное знание – совокупность прикладных знаний и умений, в том числе в форме социальных технологий, может развиваться относительно автономно от наращивания социальных знаний фундаментального характера, однако при этом социальное развитие перестает быть планомерным, а при масштабности и динамичности становится источником разнообразных непредсказуемых последствий, не все из которых желательны. Так возникает задача рационализации и нормирования социальной практики, показано, что в современных условиях она не может решаться по модели экспликации прикладных знаний из фундаментальных. Наоборот, социальная теория вынуждена отказаться от жестких прескрипций, форма взаимодействия теории и практики неизбежно становится более пластичной. Та же картина обнаруживается при анализе того, как реализуется сегодня социальное развитие. В качестве доминирующей стратегии авторы указывают на различные варианты проектно-конструктивного отношения к социальному будущему. Особенностью является понимание проекта как средства нормирования: социальная практика задается не объективными и принудительными факторами номотетического и должного, но сконструированными с учетом соответствующих ограничений образами желаемого будущего. Методологическая рефлексия проводится авторами на материале не только современных исследований, но также творчества социального теоретика и практика начала XX в. Александра Богданова. Богданов предстает пограничной фигурой: с одной стороны, он продолжает идеи классического научного рационализма, с другой – развивает их в сторону тех форм научной, в том числе научно-прикладной рациональности, которые доминируют сегодня. Тем самым раскрывается генезис и внутренняя

противоречивость этих форм.

Ключевые слова: социальная наука, социальная практика, социальные технологии, социальное проектирование, постакадемическая наука, теория, картина мира, проект, идеал, утопия, А. Богданов

Дата публикации: 31.12.2018

Ссылка для цитирования:

Омелаенко В. В. , Пирожкова С. В. Социальная наука и социальная практика: современные подходы и идеи Александра Богданова // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000064-2-1/> (дата обращения: 24.06.2019).